

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОТВОРЧЕСТВА

К. В. Гурьянов*

Теория когнитивного диссонанса и юридическая техника российского нормотворчества в аппроксимации к компьютерной интеллектуальной собственности

Трансформация организации правоохранительной деятельности в современных условиях является закономерным результатом модернизации российского общества, следствием радикальных реформ всех сфер его жизнедеятельности. Качественные изменения, происходящие в России, напрямую относятся и к такому отрицательному явлению, как преступность. Преступники, действующие в одиночку, преступные группы, организации и сообщества все в большей степени принимают на вооружение высокие компьютерные (информационные) технологии, привлекают в свои ряды лиц, имеющих специальное техническое, экономическое и юридическое образование, спонсируют их обучение во внебюджетных образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования. Подобные качественные изменения в преступности приводят к тому, что акцент в подготовке профессиональных высококвалифицированных кадров органов внутренних дел должен быть смещен в сторону развития интеллектуальных и морально-психологических способностей сотрудников, понимания приоритетов охраны и соблюдения прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Все это предопределяет необходимость совершенствования организации правоохранительной деятельности, модернизации управления образованием, подготовки и переподготовки кадров в образовательных учреждениях системы Министерства внутренних дел России.

В настоящее время вопрос организации правоохранительной деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, связанных с оборотом контрафактных экземпляров компьютерного (информационного) программного обеспечения и программных продуктов, является одним из наиболее актуальных для российского нормотворчества. К сожалению, еще не до конца осознаны и не доведены до логического завершения понятия охраны прав компьютерной (информационной) интеллектуальной собственности, однозначное толкование и реализация международных правовых норм в этой сфере. В связи с чем имеет место интеллектуальный конфликт, возникший между прививавшимся и воспитывавшимся советской идеологией представлениями «все общественное, а значит — мое» и новыми дефинициями — «правообладатель», «собственник информации»).

---

* Доцент кафедры информатики и применения компьютерных технологий в раскрытии преступлений Саратовского юридического института МВД России, кандидат технических наук, доцент, профессор Академии военных наук.

¹ См.: Антипиратские цены // Наука и жизнь. 2003. № 11. С. 93.

Для борьбы с производством и распространением контрафактной продукции, защиты прав авторов на объекты интеллектуальной собственности могут быть использованы технические, экономические и организационно-правовые методы. Технические методы по существу исчерпали себя, поскольку изготовить контрафактный диск с интеллектуальной продукцией надлежащего качества оказывается несколько не сложнее, чем в легальных условиях. Экономические методы направлены на снижение стоимости лицензионной продукции. Однако известен факт, что в рамках борьбы с производством и распространением контрафактных экземпляров компьютерной (информационной) интеллектуальной собственности звукозаписывающая компания «Universal Music Group» («UMG», США) объявила в 2003 г. о начале кампании снижения цен на производимые ею компакт-диски, вплотную приблизив их к уровню «пиратских» цен. Производители компакт-дисков из Великобритании и Германии поддержали «UMG», но новая стратегия коммерческого успеха не принесла. Производители контрафактной продукции моментально переключились на производство пиратской продукции других музыкальных компаний и компаний, производящих и выпускающих аналогичные устройства хранения информации (компакт-диски)¹.

На наш взгляд, наиболее действенными и эффективными методами борьбы с производством и распространением контрафактной продукции являются организационно-правовые методы.

Реализация этих методов возможна на основе использования основных положений юридической техники. Под юридической техникой понимается совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства². Содержание средств и приемов юридической техники связано, главным образом, с определенной организацией правового материала и его внешним изложением, в первую очередь с выражением структуры права³.

По своему содержанию юридическая техника складывается из двух элементов – технических средств и технических приемов, поэтому ряд авторов⁴ обоснованно проводят аналогию с материальной техникой, где, с одной стороны, выделяются средства техники, т.е. машины, оборудование, а с другой – методы, приемы их использования, т.е. технология.

При разработке нормативных актов используются языковые, логические и гносеологические приемы и способы.

На наш взгляд, перспективным гносеологическим приемом является использование в правотворческой и правоприменительной практике теории

² См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 2. С. 267.

³ По мнению А. Нашиц, законодательная техника выступает как комплекс методов и приемов, призванных придавать соответствующую форму содержанию правовых норм (см.: Нашиц А. Правотворчество. М., 1974. С. 144).

⁴ См.: Законодательная техника / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000; Капустина М. А. Юридическая техника: предмет, структура, методы (тезисы доклада) // Юридическая техника: вопросы теории и истории / под общ. ред. Д. И. Луковской. СПб., 2005. С. 6–7; Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : матер. междунар. круглого стола (г. Черновцы, 21–23 сентября 2006 г.) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. Н. Новгород, 2007; Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. М., 2007.

когнитивного диссонанса (от англ. *cognition* – знание, *dissonance* – несоответствие, разногласие), разработанной Л. Фестингером⁵ на основе теории поля К. Левина, теории равновесия Ф. Хайдера⁶ и кибернетики (А. Ампер, А. Берг, Н. Винер, Л. Берталанфи и К. Шеннон) в результате изучения сложноорганизованных естественных и искусственных систем.

Основные понятия, которыми оперирует теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, вполне обоснованно могут быть аппроксимированы и применены к понятию правоохранительной деятельности по противодействию обороту контрафактных экземпляров компьютерной (информационной) интеллектуальной собственности. Это такие, например, категории, как когнитивная система, диссонанс, консонанс, сложность, взаимосвязанность, равновесие.

Под когнитивной системой в отношении интеллектуальной собственности следует понимать взаимосвязанный комплекс отдельных знаний об объектах компьютерной (информационной) интеллектуальной собственности, таких как программное обеспечение, программные продукты, базы данных, аудио- и видеозаписи в цифровом формате и т.д. и отдельных индивидах (разработчиках, производителях, распространителях и пользователях), т.е. вводящих компьютерную (информационную) интеллектуальную собственность в гражданский оборот и ее использующих.

В таком случае когнитивный диссонанс будет определяться как характеристика когнитивной системы внутренней дисгармонии, существующей между интеллектуальной собственностью и знаниями пользователя интеллектуальной собственности. Исходя из этого, будем полагать, что когнитивная система интеллектуальной собственности находится в состоянии диссонанса, если ее компоненты – «правообладатель информации», «пользователь» – противоречат друг другу. Снятие же подобного противоречия приводит когнитивную систему интеллектуальной собственности в состояние консонанса, т.е. взаимной согласованности ее элементов и компонентов.

Дискомфорт и напряжение, возникающие у каждой личности в отдельности и общества в целом, проявляющиеся в такой ситуации и вызываемые данным конфликтом, устраняются каким-либо отдельно взятым пользователем компьютерного (информационного) программного продукта при помощи одного из нескольких защитных механизмов, определенных Л. Фестингером и аппроксимируемых нами на сферу юридической техники российского нормотворчества в сфере интеллектуальной собственности следующим образом:

– пользователь интеллектуальной собственности отвергает либо избегает любой новой информации в сфере охраны авторских прав на интеллектуальную собственность;

– убеждает себя, что противоречия между использованием контрафактного программного обеспечения или программного продукта и пра-

⁵ См.: *Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford, 1957; Festinger L., Carlsmith M.J. Cognitive Consequences of Forced Compliance // Journ. of Abnorm. and Soc. Psychol., 1959. V. 59. P. 203–210; Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. М., 1984. С. 97–110.*

⁶ См.: *Heider F. The Psychology of Interpersonal Relation. N. Y., 1958; Heider F., Simmel M. An Experimental Study of Apparent Behavior // Amer. Journ. of Psychol., 1944. V. 57. P. 243–259.*

вом собственности на это программное обеспечение и программный продукт на самом деле не существует;

– пользователь интеллектуальной собственности примиряет возникающие у него противоречия;

– прибегает к иным мерам с целью сохранить стабильность и порядок в своем представлении об обществе и о себе, об охране авторских прав на интеллектуальную собственность и о своем ее неправомерном использовании и применении.

Необходимо отметить, что в отношении интеллектуальной собственности в полной мере равноправно работают все вышеперечисленные защитные механизмы. У любого члена общества, т.е. рядового пользователя, внутренние дискомфорт и напряжение устраняются, например, тезисами: «ни от кого не убудет, если я скопирую эту программу»; «я же ее не своровал, а купил»; «если раньше я коллекционировал магнитофонные записи, то почему я не могу сейчас коллекционировать записи на компакт-дисках?»; «кому какое дело, какую программу я использую» и т. д.

Для того чтобы достичь согласованности двух противоречащих друг другу сентенций (утверждений): «мое» – «общее», «лицензионное» – «контрафактное», «официальное» – «пиратское», каждый пользователь компьютерной (информационной) интеллектуальной собственности или принимает для себя одно из этих понятий таким образом, чтобы оно соответствовало другому, или обращается к такому третьему знанию, которое примиряет эти два между собой. В преодолении этих двух противоречий, воспитании гражданского понимания интеллектуальной собственности, однозначного толкования общепринятых международных правовых норм состоит одна из воспитательных и образовательных задач правоохранительной и правоприменительной деятельности.

Сложность когнитивной системы интеллектуальной собственности вполне логично описывается через количество и разнообразие включенных в нее знаний. Эта сложность не вызывает сомнений, ибо она состоит из значительного числа разнообразных знаний: гражданско-правовых, уголовно-правовых, процессуальных, криминалистических, технических и т. д., строго разграничить которые друг от друга практически невозможно, так же как и выделить первостепенные и второстепенные. Отсюда вытекает и такое понятие, как взаимосвязанность когнитивной системы интеллектуальной собственности, которая характеризует ее отношения с другими системами знаний – теорией уголовного права, криминологией, криминалистикой, теорией и практикой судебной экспертизы, теорией управления – кибернетикой и другими.

Вполне естественно, что применение теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, ее аппроксимация к интеллектуальной собственности, не может быть рассмотрено без теории равновесия Ф. Хайдера. Последняя утверждает, что несбалансированные, противоречивые когнитивные системы стремятся к изменению в сторону достижения более уравновешенного состояния. Исходя из постулатов теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера и теории равновесия Ф. Хайдера применительно к интеллектуальной собственности, можно утверждать, что два крайних, взаимоисключающих друг друга подхода к интеллектуальной собственности никогда не будут реализованы на практике. Установление высоких цен на реализуемые компьютерные программные продукты фирмами-разработчиками

программного обеспечения и жесткие меры уголовно-правового пресечения интеллектуального «пиратства» со стороны правоохранительных органов всегда будут находиться в диссонансе с мнением рядовых пользователей и их отношением к реализации и распространению компьютерного программного обеспечения и программных продуктов по более низким ценам или же вообще без всякой оплаты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что когнитивная система интеллектуальной собственности будет стремиться приобрести равновесие, которое в некоторые моменты развития мирового сообщества может быть совершенно разным в зависимости от уровня развития информационных технологий, интеллектуальных возможностей всего общества и отдельного индивида, законотворческой и нормотворческой деятельности государственных органов, правоприменительной политики, реализации правовых норм и т.д. Когнитивное равновесие может быть в одних случаях более несправедливым по отношению к авторам-разработчикам программного обеспечения и программных продуктов, к интеллектуальной собственности, как это было во времена существования Советского Союза, когда авторское право на продукт интеллектуального труда практически всецело принадлежало государству. И, наоборот, в иных случаях когнитивное равновесие может быть более жестким или лояльным по отношению к распространителям контрафактных экземпляров компьютерного программного обеспечения и программных продуктов. Например, Китай, занимающий первое место по уровню компьютерного пиратства, «...четыре из пяти копий установленных на компьютерах жителей Китая программ являются контрафактными, — к таким выводам пришли сотрудники Business Software Alliance, индустриальной группы, следящей за соблюдением авторских прав на программное обеспечение. Согласно результатам исследования, в котором приняли участие 102 страны <...> 82-процентный показатель использования пиратских программ для Китая является в своем роде выдающимся достижением и описывается авторами исследования как «резкий спад» (в 2003 г. пиратских программ было 92 процента)»⁷.

Подобный подход к анализу поведения рядового пользователя компьютерного (информационного) программного обеспечения и программных продуктов, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания в контексте проблем противодействия компьютерной (информационной) преступности в целом и проблем современной техники нормотворчества, ее толкованиям и реализации по противодействию производству и распространению компьютерной (информационной) интеллектуальной собственности в частности.

---

⁷ Ущерб разработчиков программ от пиратства оценили в 40 миллиардов долларов. <http://www.lenta.ru> от 05.05.2007.